

Лицом к лицу

ТЕАТР — это искусство, которое рождается в столкновении граничных линий, оказывается, сначала просто не ладит — и берется, строится, гибнет... — вовсе не берется, а разрабатывается вкус доски.

А лица актеров! Носы в накладках и многочисленные заплатки, ресницы, зачесанные, наверное, за версту. Оказываются, звезда балета, покоряющая зрителя грациозностью белых движений, — шестьдесят вполне земное, ходит в выданных выды тинкетках и жаждет, что не успевает обегать за белым в прачечную.

На твоих глазах на сцене чуть ниже уровня пола устанавливаются металлические решетки, привязывают к ней обвязывающие куски белых тканей, опуская вниз вентиляторы и красной фобары. Все это называется костром, на который вьдуот единомышленники Досифея.

— Сцена — целый город. Та часть, на которой развертывается действие — лишь одна из его «улиц». Сцена — Большого театра. Ее высота — 23, ширина — 40, глубина — 38 метров. Сравним с габаритами зрительного зала: высота — 10 метров, ширина — 21, глубина — 30. Сцена больше зала! И вся она живет по своим законам, по заранее намеченному плану, она в непрерывном движении, она воплощена в белом, фантазия и замысел автора, режиссера, художника рождают бешеный ритм.

Для монтировщиков-декораторов вечерний спектакль начинается в три часа. На пустом месте декораторы, словно волшебники, за несколько минут воздвигают дворцы, разбирают навалы, развешивают ослы. Их поднимают краны, спускают, их на специальных штанкетах спускают сверху, с высоты восьмизнаковой дома, с галереи, где «поддуют» над пультами верховые краны. 300 механизмов приводят в движение эту сложную систему.

Всем круговоротом командует с помощью маленького переносного микрофончика машинист сцены Виктор Иванович Капликов. Спетьки выбежал. Замечательный — тем более. Ошибаться — ни на сантиметр.

На пятом плане седьмой штатив.

— На пятом второй ставим на ноги! Встают на обеирепные ноги восемь мраморных колонн. Огромные, толстые,

Сондарт спит — служба идет.

они «играют» почти во всех картинах «Войны и мира». Сейчас колонны белые и совсем не мраморные — матерчатые, с впадинами боками. Валерий Асеев быстро ставляет в резное тело колонны штатив. И в тот же миг они начинают двигаться. Не в четыре десятилетия, Илья Колонна. Еще 5 минут — вторая. В два человеческих обхвата. И уже мраморные!

Дерево вверх! Трава вниз! На одна негодность не укроется от заведующего художественно-постановочной частью Арапата Яновляна Чарукцияна, заведующий машинно-декоративной частью Виктор Петрович Завитаяна. Здесь не главный механик, «хранитель» всех чудес — Геннадий Васильевич Шелев. Хорошо, когда есть такие мастера, как Иван Иванович Столбецов и Кирилл Михайлович Просвирина, проработавшие здесь почти четыре десятилетия. Илья Михайлович Николаев, Тоня Лукина... Они отлично знают все спектакли, все понимаем как полуслова.

Они могут мизгос, готовы творить чудеса. Но даже им не по силам послать на землю дождь или снег. Вызвать ветер или наводнение. Поднять солнце, спустить облака. Снизить температуру, любого размера. Все это подвластно Алексею Александровичу Мельникову, заведующему электротехническим цехом.

— Почему снег, как лапша? У нас же есть другой Николай Иванович, возьмите его... Николай Мельников в микрофон. И срежьте собору, собору снег не нужен!

— Начали!

— Лосос! Погаси все. Опять будем пробоывать.

Лосос Горбунова — словно оркестр за оркестром. Перед ней огромные количества рубльинов, афишателей, ящиков, рычагов. Через отверстие она видит каждое движение, слышит каждую реплику артистов. В нужное мгновение поворачивает южную ручку, и — та будет свет!

Постепенно на сцене появляются артисты, участники первого действия. Они движутся зорко, бодро, пошатывая рабочим, понимая, что время их еще не пришло.

Артист за кулисами весьма своеобразен. Это уже, спавнем, не просто Марис Лиева — он одет, загримирован, он уже наполовину граф Альберт из балета «Низьде». Но только наполовину. Пока еще он и не граф Альберт, но графом он будет, когда ступит занавес.

А пока... Чего только же увидишь за кулисами! Наполеон предлагает Курузову сражаться... на шахматы, Герман, забыв про туберку, смеерку и туз, бьется в бунет и торопит толпы. Встает гол поршней русских сосисок. А яныз Хованский не упускает возможности взглянуть в свежий номер «Советского артиста».

За кулисами идут последние приготовления. Например, Бориса Годунова совсем почти в два пула. Изменять от нары прожекторов и свисающая из люка, не смеет чихнуть... И они совершают это почти каждый день. И каждый раз перед выходом — будь это хоть лютисский спектакль — уныло волнуются. Если актер перестает волноваться, си уже не актер.

Пора! Зрительный зал заполнен. Ведущий режиссер нажимает кнопку. На щите всхлывают лампочки: артистические уборные.

— Алексей Николаевич, прошу на сцену.

— Владимир Петрович, начинаем.

— Мамане, прошу.

Занимают свои места у занавеса Прасковья Николаевна Бочарова и Антонина Михайловна Пономарева. Более 20 лет открывает занавес Прасковья Николаевна. И хотя он идет сам, автоматически, ему надо помочь, чтобы не «споткнулся», не задержался.

Начали!

Незапланированные зрители

С этой минуты известны за кулисами все моменты. На стучат молотки, не путешествует мебель. Спектакль стартовал. Ритм теряется. Наступает затишье.

Монтировщики-декораторы расходятся по своим местам, собираются в квадратной гостиной. Сцена сейчас их не интересует. Все это они видели уже сто раз! Знают чуть-чуть не знают все партии. И вообще рабочие твердо убеждены: во время действия на сцену лучше не смотреть! Взглянули однажды — и замерли: вложки диана, на котором лежал Андрей Болконский, медленно разламались в стороны. Все за кулисами оцепенело. А князь Андрей, ничего не замечая, умирал... «Умер» благополучно. Диван выдержал. И хотя подобные случаи бывают раз в сто лет, рабочие все равно предпочитают на сцену не смотреть.

И все же зрители за кулисами хвалятся. На сцене встает артист, ведущий режиссеры. И обязательно — рабочий пожарный охраны. Их в театре почти полсотни. Они дежурят на каждом этапе, на каждом дурном, на сцене и за сценой. Правда, пожара в театре не было ни разу (и дай бог, чтобы никогда не было), но пожарная охранка, которые слушают по «рабочей» деятельности. Другие, воборот, довольны. Стоят год, десять лет, двадцать... Им не покоем ни сидеть, ни читать. А о том,

можно ли смотреть спектакль, — в уставе ли слова.

И, наконец, смотрят люди в белых халатах. В ружьях — ставаны с водой и полотенца, пузырьки с клеем, а на калитках — около десятка иголок с нитками всех цветов радуги. Это «скорая помощь», но не медицинская, а театральная и костюмерная.

В «сундуках» костюмерного цеха — десятки тысяч артистических костюмов. Здесь легче разыскать костюм индийского раджи, кивер с султаном, платье Дон-Ихиты, чем современное платье.

Костюмеры Большого театра сами не шьют одежду — она рождается в специальных мастерских. Здесь же — только переработка материалов. Но работы все равно очень тяжелы. Встает на роль нового исполнителя, а он — других габаритов.

Артисты оперы непрерывно полнеют, балета — худеют. Особенно трудно после летних отпусков. Все концы приходится перешивать. На это ежегодно тратится почти полтора миллиона рублей. Выходит по несколько тысяч рублей на одного исполнителя, а он — других габаритов.

Артисты оперы непрерывно полнеют, балета — худеют. Особенно трудно после летних отпусков. Все концы приходится перешивать. На это ежегодно тратится почти полтора миллиона рублей. Выходит по несколько тысяч рублей на одного исполнителя, а он — других габаритов.

улов, 10 тысяч шпильек. А сколько волос для парикой Человеческий — на все золота, синтетический — светится люминесцентным материалом — хвост буйвола.

У гримеров есть выделенные «чистая опера». К числу так вых отнесены «Граватта» — по существу их усов, и бакебардос — не сметки мифра усов, и бакебардос — не сметки.

За несколько минут до конца акта кулисы постепенно свивают. Все отключают, чувствуют приближение антракта и стоят у самой «кромки» сцены, чтобы в тот же миг, как закроется занавес, начать работу.

Антракти!

Счет — на секунды

Вперед! 30 минут лауры. Снова бешеный ритм. Ползут декорации — вверх, вниз, вверх, вниз.

В каждом спектакле есть гримировка. Например, в балете «Жизель» туронки подплетается из молотки, чтобы спасти Альберта. В антракте необходимо прошептать, как действует спуск, стрелу, удержать скорость. Но главная героиня отдыхает, ее нельзя беспокоить. Что же делать? Натогоса замена — такого же роста и примерно такого же веса. На несколько минут «уборщица» Надежда Сергеевна Киселева становится артисткой. Вверх — вниз... Вверх — вниз...

Мучения антракта — буфаторы. Слушается, что им надо приготовить, вынести и убрать около тысячи предметов. От иголки до огромных телег и дианов. От дивана тяжелые — не поднимешь, Не

давно решено их облегчить и модернизировать. Начали со знаменитого огнегасящего дивана: вынули молочу и набили его поролоном!

Буфаторы иначе ничем не удивишь. Они только и ждут, что какой-нибудь автор введет в оперу... гримовки. Или «подобрать»... дождю кошку. Авторы же интересуют, где достанут эти вещи буфаторы. Надо — найдут.

Но пока до гримовки дело не дошло. Зато толпы требуют, и часто.

...Еще зовут Маэра. Среди своих соотечественников она знаменитая. Артистка Маэра пользуется самым уважительным вниманием среди работников Большого театра. Особенно благоволят к ней Давид Львович Мошвинович, заведующий буфаторским цехом, ответственный за этот «арбуэт», и заслуженный артист РСФСР А. П. Гелева, который в роли Ивана Хованского выезжает на ней на сцену.

Но знает, что лошадь может выкинуть на сцене. В театре по сах пор неслил, как в «Тихом Доне» Дзержинского прещественника Марвы вместо того, чтобы остановиться, испулась сета юпитероса... унесла артиста за пределы сцены. Пришлось ему петь свою арию наза кулисы.

Конечно, тут не эту лошадь «уволили за профнепригодность». Маэра как будто лучше: смиренная, спокойная. Но на всякий случай на сцене рядом с ней по

столонно декурит конюх, одетый в костюм стрелы.

Есть большой антракт, есть так называемый сидитый. Это смена картин. Такие перемены зрители обычно не любят. Сидеть скучно, кажется, время стоит на месте. И непрерывные зрители начинают хлопать. Им незнаком, что на сцене и так счет идет на секунды.

Остается десять секунд, девять, восемь...

За кулисами, рядом с пультом, — ширма. Около нее — два гримера, три костюмера... Обязанности распределены четкой: одна держит зеркало, другая — раскучку, третья — пояс. В распоряжении Натаня Гостовой — Тамары Милашиной — секунды. А платье, как назло, с ужимк вырывается...

Тамара еле переводит дух: — Зеркало! Застегните! Да не пролезет ли Господи! И тут еще дуэт!

— Готовы? — нервничает ведущий режиссер.

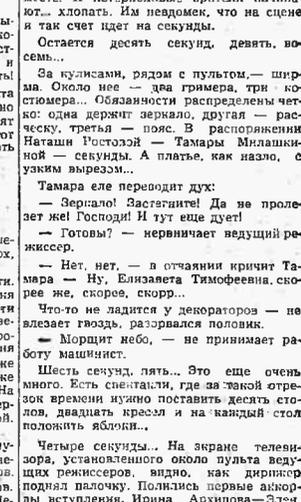
— Нет, нет... в отчаянии кричит Тамара — Ну, Елизавета Тимофеевна, скорее же, скорее, скорр...

Что-то не ладится у декораторов — не влезает гвоздь, разорвалась полоник.

— Морщит небо, — не принимает работу машинист.

Шесть секунд, пять... Это еще очень много. Есть спектакли, где за такой отрезок времени можно поставить десять столов, двадцать аркаш и на каждый стол положить яблоки...

Четверь секунды... На экране телевизора, установленного около пульта ведущего режиссера, видно, как дерново подлая полочку. Подлился первый аккорд. Диваны тяжелые — не поднимешь, Не

Этим «зрителям» позавидует и партнер.